

ЗА СТРОКОЙ
КНИГИ

НЕСКОЛЬКО лет назад во время встречи с молодыми читателями новосибирского писателя В. Коньякова попросили рассказать о продолжении судьбы героя его ранней повести «Не прячьте скрипки в футлярах» — токаря-подростка, о том, каким он стал, в чем величие современного рабочего человека. «Я много читал о рабочем человеке, смотрел спектакли, даже сам высказывался за «круглым столом» «Литературной газеты», но однажды подумал: а что я о нем знаю? — вспоминает теперь В. Коньяков. — Какое неземное слово я скажу этим ребятам, так тепло принимающим меня?.. Потом ехал домой в электричке, перебирал всю жизнь свою и продолжал говорить себе: не знаю...»

И пошел В. Коньяков на завод посмотреть, каким стал нынче фронтной его ровесник, юный токарь Боря Лебедев — герой ранней повести, принадлежащий к последнему поколению, которое забирали на войну и история которого в книжке (а сначала — в жизни) и заканчивалась уходом на фронт. Пошел на известный завод «Тяжстанкогидропрессы» имени А. И. Ефремова, чтобы поработать рядом с заводскими, «на равных». Взяли его стажером к токарю высшей квалификации.

Так родилась повесть «Мужские дела», опубликованная журналом «Сибирские огни».

Ее герои — токарь Степан Гурьянов, расточник Алексей Сляднев, заточник Кириллов, начальник цеха Эдуард Петрович, ученик токаря Олег Ларин — входят в нее естественно, буднично, по мере приобщения ав-

тора к жизни цеха. Вы попадаете в цеховую естественность вместе с человеком, который и умом, и сердцем пытается постичь нравственный мир рабочего человека, тяготы и радости реальной его жизни. Читается повесть с интересом — и откуда он берется, этот интерес, при полемическом игнорировании сюжетной занимательности, понимаешь, пожалуй, только в конце: ведь пи-

во, ну, вроде, не самой высокой пробы. Вот ты токарь — это умеешь и это умеешь. Но ты в жизни все равно как бы недоглянул. Не инженер, следовательно, все-таки второстепенен. Замечена моя интуиция, не замечена? А ее некому замечать. Нас всех уравнили... и мои «заметы» мастер не

дается жизнь рабочего человека, так ясно видишь, как идет дело, что сами собой рождаются мысли о том, что и как надо улучшать. Спасибо писательской организации Новосибирска за такое отношение к заводчанам».

М. САМОХИН, токарь шестого разряда (не из

ПОВЕСТЬ О РАБОЧЕМ

сатель заставил своих читателей участвовать вместе с ним в процессе познания, писатель, человек совестливый, в себе сомневающийся, приобщил читателей к своим поискам глубины.

Не сразу, далеко не сразу открывались «стажеру» — писателю В. Коньякову люди, ради постижения внутреннего мира которых и стал писатель к станку. Доверие «стажер» должен был завоевать — и в работе, и в разговорах, и в непростых цеховых отношениях. И ему-таки удалось стать тем человеком, перед которым захотелось его новым товарищам «выговориться». Зато откровенные эти признания, без труда, действительно вводят читателя в сложный мир современного рабочего.

Токарь Степан ГУРЬЯНОВ (один из героев повести «Мужские дела»): «...меня не тянет учиться в институт. Не тянет быть конструктором, начальником цеха. Я хочу знать много о токарной работе. А если токаря хочется, чтобы другие видели: это мог сделать только он. Как назвать это чувство? Тщеславие? А тщеславие, это плохо? И почему же... совсем плохо поощряются такие университеты — мастерство. Оно, мое мастерст-

увидел. Главное, его граффити я не сорвал. Я со всеми уравнил. Я наедине со своей совестью. Вот кой у кого она молчит. Поступила как-то деталь к одному расточнику на операцию. Выгодная деталь. Расточник заметил, что она уже в бране. И не закричал, не побежал к мастеру. Взял, поставил на станок и... стал растачивать. А что? Ему-то... Его-то работу оплатят... А деталь — хоть на свалку. За это же морду бить надо... А повесть у него молчит... Он тоже как-то токарное дело объяснит...»

Авторский комментарий к подобным исповедям, описание того, что происходит с самим литератором в роли рабочего, неподдельность его собственных чувств «за станком», его реакция на события заводской жизни — все это обогащает искомый портрет человека на заводе искренностью, юмором, психологической убедительностью.

Так постепенно, как при проявке заснятой пленки, выступает перед нами заводская жизнь в ее подробностях, успехах и обидах, будничных коллизиях и нерешенностях. Как же встретили труд литератора заводские читатели?

С. ЕГОРОВ, начальник бюро подготовки отдела кадров: «Повесть эта нужна очень заводскому читателю. Василий Михайлович Коньяков глубоко разобрался в наших порядках и беспорядках. На сцене, на экране в последние годы жизнь производственных коллективов так подчас «засюжетят», так «законфликтуют», что мы не узнаем себя в лихих героях, сгорающих в острых перипетиях. А в этой повести наглядно

книжки — из жизни): «Таких книг надо нам побольше, хотелось бы, чтобы выходили они быстрее, и — чтобы были они еще откровеннее. Жизнь, как бы мы ее в искусстве украшать ни старались, краше от этого не становится. Ее, жизнь, и украшать не надо, она и так красивая, но красотой реальной жизни не всякий разглядеть способен. У Василия Михайловича это получается».

Так и не встретился автор со своим Борисом, выписанным в «горестные дни войны». Но в поисках героя юности нашел героя зрелости, о котором на обсуждении повести сказал так: «Главный герой повести «Мужские дела» — те мысли, та боль, которые живут во мне, ими я и хотел поделиться с людьми».

«Мужские дела» — негромкая повесть о совести, и читателя себе находит не шумного, не красноречивого, но так же относящегося к труду своему, как и автор этой повести, исповедующий одну веру в то, что «работать человек должен в полную силу». Его работа — его строчки, а о строчках он твердо знает вот что: «Кому нужны строчки, если они ни для кого не станут праздником? Не зародят мысль. Не разбудят чувства, при котором долго хотелось кому-то пребывать». В какой работе ума и сердца добываются такие строчки, и рассказывает нам эта повесть».

З. ИБРАГИМОВА

НОВОСИБИРСК

2004

Литературная газета
г. Москва

20 АПР 1983

87